

Безусловно, женщине приличествует быть мягкой и кроткой.

Юэ Цинлин вздохнула и мягко произнесла: «Не унесу я все три тысячи чжаней слабых вод. Хватит и тебя».

«Ты... не говори глупостей... Я же твой наставник и мать Синъэра. Надо нам... впредь быть осмотрительнее».

Хуан Синьнин краснела от его внезапного признания. В глубине души она была очень тронута, но всё же должна была сопротивляться.

О рождении Хуан Лисина она не жалела, но глубоко сокрушалась, отчего ей довелось испытать материнских вод.

Если бы подождать появления Юэ Цинлина, то не лучше ли было бы стать его женой и родить ему детей?

Увы, судьба распоряжается человеком.

Юэ Цинлин не стал настаивать, а молча поставил возле пещеры барьер.

Ближайшие четыре дня он будет тут усиленно медитировать и заниматься, чтобы успеть к выходу из тайного царства достичь второго уровня человеческой культивации, области накопления благодетней.

«Цинлин, а почему ты не говоришь?»

После того, как Хуан Синьнин заколебалась и выпалила много высоких слов, она обнаружила, что Юэ Цинлин медитирует с закрытыми глазами, и сразу задумалась ещё сильнее.

Неужели он разозлился?

Почему он не стал возражать?

Неужели он в самом деле не хочет быть с ней?

Вот ты какой, бессердечный человек, неужели ради любви ты не можешь разорвать оковы мирского?

Юэ Цинлин регулировал меридианы на своём теле. Услышав жалобный вопрос Хуан Синьнин, невольно пошутил: «Разве не вы, Наставница, сказали, что надо блюсти приличия? Будьте осмотрительнее, Ученица моя».

«Ты...»

Сердце Хуан Синьнин дрогнуло, из неё будто выкачали всю кровь, и она в оцепенении села возле первородного духа.

Юэ Цинлин ещё продолжал шутить, однако, увидев, как у Хуан Синьнин катятся слёзы, он не сдержал улыбки.

Они падали на его трёххончивый траурный подиум, вызывая боль во внутренних органах.

«Наставница, что ты плачешь?»

Юэ Цинлин поспешил задобрить её ласковыми словами.

«Ничего мне не говори. А когда вернёмся, я порву с тобой всякие отношения и больше никогда не обращаю на тебя внимания».

Хуан Синьнин сокрушалась, плача.

Юэ Цинлин тоже почувствовал, что шутить было нехорошо. Хуан Синьнин сейчас испытывала большое психологическое давление, а он ещё специально сказал такие слова, чтобы огорчить её.

Поэтому он мог лишь ласково уговаривать: «Нинэр, теперь ты в моём сердце. Разве ты до сих пор не знаешь, как я думаю?»

Когда Хуан Синьнин услышала его мягкие и ласковые слова, её огромное горе мигом развеялось.

Вот такие они, женщины в любви.

Из-за пустяка может рухнуть целый мир.

Но стоит немного поласкать — и сразу мёд с молоком.

Однако она продолжала злиться: «Будь проклят, не называй меня Нинэр, я твой Наставник!»

Она сверкнула глазами на первородный дух, похожий на нефрит, и с намёком на высомерие сказала: «Если ты ещё раз меня разозлишь, я поцелую твой первородный дух».

Юэ Цинлин поспешил попросить пощады: «Наставница, пощади меня. Это ведь тайное царство, я не хочу остаться парализованным в этой пещере».

«Хмф, теперь-то ты будешь знать, как со мной говорить, не так ли?»

На самом деле Хуан Синьнин не собиралась его наказывать. Разве любимый человек мог бы испытывать такие муки, видя, как страдает его возлюбленная?

Юэ Цинлин слегка кивнул, но про себя вздохнул.

Вот в такие моменты он искренне завидовал Владыке-Бессмертному Теневому, способному завести гарем, но у него на это не хватало смелости.

«Хорошо, тебе пора медитировать, Ваше Величество скоро проснётся».

Настроение Хуан Синьнин значительно улучшилось. Ей вполне хватало и того, что она постоянно будет находиться рядом с Юэ Цинлином.

Юэ Цинлин не мешкая принял несколько пилюль из своего запаса и, медитируя, ел их одну за другой.

После того, как он занимался до глубокой ночи, из тёмной пещеры донеслись едва слышимые вздохи.

«Неужели я умерла?»

Лун Цилан осмотрелась вокруг, у входа в пещеру горел слабый свет. Она медленно поднялась, держась за стену.

<http://tl.rulate.ru/book/106268/3784695>